

СПИРКИНЫ

Спиркины жили в Томске в доме напротив, в одной из квартир, где мылись на южной стороне солнечные зайчики. Этот дом был старый, но в центре города стоял и престижным считался, хоть его обитатели являлись людьми самыми простыми и даже от грязи недалеко находились, как и их предки, там же лазили и элитными жителями не выглядели.

Но сами Спиркины не были потомками тех жителей, а просто лет двенадцать назад на словах они обменялись с Муриным квартирами, да еще бескорыстно доплатили и даже расписки с него не взяли, так как в то благословенное время все было просто и хорошо.

Сам же Мурин въехал в старую, находящуюся на окраине города, квартиру Спиркиных. Потом он передозволил ее каким-то своим пьяным родственникам и перестуком колес поезда уехал в Кемеровскую область, в небольшой городок Юргу, где остался жить у своей новой жены. Там, на кухне, он любил курить и давать ценные советы по обустройству России.

Но тут вдруг умирает сын Мурина и выпадает из игры жизни, а остальные дальше бегут, пока в 2007 году и сам Мурин вдруг зашатался и слег в больницу с раком, который его добил и заключил в гроб. И Мурин утонул в земле, да только небольшой холмик волной вспучился на том месте, где он упокоился.

А когда жена Мурина как-то раз купила три рыбины, то не знала, что она сама тоже через три года умрет и ее похоронят рядом с мужем. И так те три рыбины годами легли, что, действительно, жена Мурина через три года попала в сети смерти, а наследство – дом, в котором проживали Спиркины, достался снохе покойного Мурина, жене его почившего на черных листьях смерти сына.

И вот сноха Мурина Людмила приехала в Томск и к Спиркиным сразу же, здравствуйте, направилась. А Спиркины ее ждут и боятся, а их двое детей на кровати сидят и не понимают, почему родители друг с другом так сильно ругаются. Крича, мать выговаривала отцу, что он недотепа, и они теперь без крыши над головой останутся и будут по углам мыкаться, как бедные люди, у которых их дети, их любимые «я», их котики не будут знать, в каких коробках им сегодня придется спать.

Сидят Спиркины, ждут Людмилу. И вот она, наконец-то, к ним заходит, в квартиру старого деревянного дома в центре Томска, которой она почти что хозяйкой стала являться (надо было теперь дожидаться только того, чтобы прошло полгода для законного вступления в права владения квартирой).

И Спиркины Людмилу встречают, ее за стол сажают, сахарницу с конфетами и печеньем подставляют, чай наливают, а она уже им все понимает и ни на что не претендует – мол, живите и дальше, как и жили.

А Спиркины умом понимают, что все это только слова и неизвестно, как через полгода Людмила себя поведет – и стараются своих якающих деточек вперед себя

выставляют, чтобы Людмила над ними сжалилась и квартиру бы им оставила. Но у Людмилы свои уже якающие взрослые детки были, и она Спиркиным тоже о них много чего жалостливого порассказала, но Спиркиным их совсем не было жаль.

Так они сидели и разговаривали, пока не решили съездить на окраину города, посетить захолустную квартиру Спиркиных, посмотреть, что же там делается, и вдруг Людмила скажет: «А давайте узаконим то, что вы тогда с Муриным на словах решили: я вам в собственность свою квартиру отпишу, а эта будет моей!».

Едут Спиркины и понимают, что Людмила так никогда не скажет, а все-таки надеются. Приезжают они на окраину города и в покосившийся двухквартирный деревянный дом заходят. А в том доме сидят дальние родственники Мурина и по обшарканным стенам свои ломаные тени сеют, а сами худые, в трубочку завернутые и настороженно смотрят, нехотя отвлекаясь от великого дела – выпивки.

Удивились родственники тому, что, оказывается, их Мурин уже давно умер – и они ничего больше не сказали, а начали откровенно ждать, когда же Спиркины с Людмилой наконец-то уйдут, чтобы потом без них спокойно помянуть Мурина.

Смотрит Людмила на квартиру Спиркиных, на родственников ее покойных Муриных и понимает, что никакого обмена не состоится, и даже заметила, как Спиркины сникли и уже, посмотрев на потрескавшийся облезлый подоконник, не надеялись на успешный исход дела.

Людмила тем же вечером на вокзал да перестуком колес в Юргу уехала, а Спиркины пришли к себе домой и начали думать, как же им быть и как своих якающих деток от черных реалий этого мира оградить.

И Спиркины пошли к адвокату и долго ему объясняли, в чем же их дело состоит, просили они его найти способ Мурину Людмилу от досок доставшейся ей в наследство квартиры отвести.

И адвокат долго думал, как Спиркиным помочь – и он там всякие разные слова писал, но на самом деле только одно ему на ум приходило, что нужно Спиркиным у Бога просить заступничества, так как никто больше не сможет помочь их великому несчастью.

И точно, все было тщетно: как ни строили Спиркины юридические баррикады против Людмилиного права на деревянную квартиру в центре Томска – ничего не помогло. Через полгода целый корабль из Муриных во главе с Людмилой к Спиркиным пожаловал, и, мол, плохо вы молились, раз вам жить негде будет – и давай Спиркиных из квартиры выгонять.

А отец Спиркин за топор хватается, да, мол, сейчас зарублю и посмотрю, что у вас внутри, есть ли там сердце, или вместо сердца там безносая старуха живет и детей не любит, а сама якает и все только для себя требует. А безносая, потому что та старуха еще в молодости из-за любопытства свой длинный нос потеряла, когда вот также в дела чужой семьи его совала.

Мурины же отступили и во главе с Людмилой побежали к местному участковому, попросили его их поддержать и нос своего железного пистолета в семью Спиркиных сунуть. Участковый прибежал и там он смело в суд посоветовал Муриным обратиться, а сам Спиркиным пригрозил и наказал, чтобы за топор больше не хватались, а тоже в суд шли и полюбовно решали, кому в деревянном черном доме жить – Спиркиным или Муриным, в которых сидит не любящая якающих деточек безносая старуха.

Чуть ли не год решал судья, чья лампочка к потолку спорной квартиры будет

привинчена, Спиркиных или же Муриных. Судья рассуждал просто: дом старинный, с узорами. А из судебной практики известно, что в таких узорах с еще большей силой, как в сетях, память о былом сохраняется. Поэтому, конечно же, в данной ситуации Мурины имеют больше прав на спорную квартиру, так как ее доски уже привыкли к духу Муриных, и покойные их предки решением суда в пользу Муриных обрадуются, одобрительно закивают и останутся мирно лежать в своих гробах. Последнее очень важно, в особенности для хозяйственных служб города, чтобы дом от недовольства покойников быстро не разрушался.

И судья решил Спиркиных из спорной квартиры выселить, так как они люди не пьющие, благопристойные и не пропадут, а унизятся да будут дальше жить неваляшками комнатку снимать, отведя своим якающим деткам угол за занавеской.

Но сам Спиркин возмутился и даже хотел по поводу судебного решения выступить по телевидению, но ничего у него не получилось, и вскоре пришлось ему затевать судебный процесс против тех родственников покойного Мурина, алкоголиков, которые жили в его полуразвалившейся квартире на окраине Томска. И адвокат Спиркиных с удовольствием взялся за это дело и думал, что с легкостью выселит алкоголиков из квартиры Спиркиных.

Но судья подумал, что если выселить алкоголиков из квартиры Спиркиных, то они совсем сопыются, станут бродяжничать и жить на пустыре-марсе, зажигая якающие огоньки костров, чтобы хоть как-то согреться в суровом неприкаянном хаосе космоса. И судья принял решение, что благоразумные Спиркины более успешно смогут освоить Марс, нежели спившиеся родственники Мурина – поэтому пусть все остается так как было: алкоголики пусть остаются в старой полуразвалившейся квартире Спиркиных, а сами Спиркины пускай играют роль бедных людей, своим страданием горькое, луковое счастье и силу Муриных уравнивая.

Вскоре Спиркин-старший устроился на работу в химико-технологический колледж на небольшую зарплату, и там он следил за аппаратом насыщения воздухом специального изоляционного барабана, вовремя его включал и выключал. А жена Спиркина работала в том же колледже техничкой, мыла полы в учебных классах, коридорах и туалетах.

За все за это колледж разрешил Спиркиным жить в небольшой двенадцатиметровой комнате в общежитии для учащихся. А якающие огоньки Спиркиных, их детки, с удовольствием бегали по коридору общежития и радостно разучивали танцы, так как родители отдали их в кружок русского танца при Томском областном центре многофункционального развития регионов (ТОЦМФРР).

ПЕДИКЮРОВ

Как-то раз мы с одним моим знакомым говорили о судьбе и даже о какой-то ответственности, когда, например, надо очень тщательно взвешивать свои шаги и прежде думать, чем ступать. В этом разговоре мой знакомый обрадовался возможности высказать свою точку зрения и, взглянув на кочующие по небу облака и даже на франных птиц, сидящих на ветках деревьев, высказал следующую мысль. Мысль, может быть, и не новую, но очень часто повторяющуюся, даже иногда как заклинание, что, мол, чего заботиться о завтрашнем дне – все само собой как-нибудь устроится, как у птичек небесных. Но как только мой знакомый начал лить

мед слов о беспечности, которую господь любит, я тут же вспомнил одну историю. Ее рассказал мне другой знакомый – и без обиняков эту историю можно передать с точностью до лампочки, которая засветится, скажем, вон в том окне. Очень даже невероятно вообразить, что именно в данном окне сегодня вечером лампочка не загорится, и поэтому я включаю вот такой рассказ, поведенный не первым моим восторженным товарищем, а вторым мистером, трезвым и очень даже я бы сказал осторожным.

Как-то жили в городе Томске в одной из квартир многоэтажного дома сын с матерью; и сын вырос да по глупости в тюрьму попал, когда разбой учинили его дружки, а он заодно с ними выпал прямо к милиционерам в руки. Но милиционеры особенно-то не стали разбираться, кто в чем виноват, а взяли да отрезали сына от его матери и в тюрьму посадили. А мать от этого так заболела, что не смогла без сына Миши жить, и от тоски великой умерла.

А сын, как из тюрьмы вышел, приватизированную квартиру в наследство получил и мог бы жить да жить, но тут ему предложили квартиру эту продать. И Миша взял да продал свою квартиру за совсем небольшие деньги, за которые нельзя даже было в этой квартире полкухни купить. А зачем продал и сам Миша не знал, но так уж получилось – почему-то показалось ему, что деньги эти большие и хватит их до глубокой старости.

Миша так обрадовался деньгам, что сразу же пошел в магазин и накупил ребятишкам во дворе всякой всячины. Даже, в кои веки, в церковь зашел и перед образом в ящик пожертвование опустил безграничное, от щедрот своих не могущую даже из ящика того достаться. Пожертвование лежало под дуновением славы Господней, под крылатым деревом полотнища иконописного.

И Миша все выданные ему за квартиру деньги в тот же день истратил, а на ночь решил зайти в свою бывшую квартиру подремать да еще денег попросить. Но новые хозяева квартиры почему-то Мишу на порог не пустили, денег больше никаких не дали, а сказали, что все бумаги им уже подписаны, поэтому они ему ничего не должны. Миши ничего не оставалось делать, как пойти на улицу и там всю ночь гулять (благо, было лето).

Так гулял Миша по мертво-спящему городу, и только черные тени черносливные, словно мыслеобразы, его со всех сторон преследовали. Вскоре он зашел в какую-то рощу, где деревья, словно высокие титаны, казалось, смеялись над ним, жалким лилипутом. И, спустя некоторое время, через тропинку, как через переброшенное узкое бревнышко, Миша вышел к неясно освещенному, обшарпанному бело-синему зданию.

Здание хоть и казалось полуразрушенным, но там жили люди. Не бомжи, а нормальные люди, и даже не было в этом общежитии лишней койки, где бы мог Миша переночевать. На стене общежития, как раз там, где особенно сильно стена обкрошилась, почернела и вылупилась спрятанным под краской кирпичом, висела табличка, на которой виднелась надпись примерно следующего содержания: «Здесь жил замечательный деятель и лауреат со значком-флажочком Педикюров».

«И кто же такой Педикюров, – думал Миша, – и почему он жил в этом безобразном доме?». В этот момент из кустов рощи, где листья лаврами образовали вид венка, появилась лунатическая фигура, чуть изогнутая и неровная как полупрозрачная тряпка.

– Я Педикюров, – сказала тряпка и вылетела из лиственного ореола.

Теперь Мише лучше удалось рассмотреть Педикюрова. Он имел вид как будто бы и человека, но его близкие родственники заплакали бы, когда бы они нашли, что их любимый Педикюров изменился до неузнаваемости, так как он на птицу походить начал, и только человеческая голова от него осталась.

Сон ли это был или нет, а, может быть, и полусон, когда Миша грезил на ходу и не находил умывальника, чтобы ополоснуться и прогнать пригрезившегося человека-птицу. Между тем человек-птица увязался за полусонным Мишей и рассказал ему свою историю про то, как он жил, и про многое другое.

Так они гуляли часа два. Затем Педикюров проводил Мишу до конца рощи, но не вышел с ним дальше, а остался в ней, напоследок сказав, что в одном разрушенном доме, в котором якобы сейчас никто не живет, на самом деле обитают души самоубийц; и они там живут, и даже кто-нибудь из них иногда душевным облаком заплывает в этот дом и держит, к примеру, пакет с якобы едой, а другая душа, на парня похожая, начинает плакать и горевать, а кто-то из них его утешает. Одна из душ, бывшая до самоубийства сочинителем стихов, вдруг начинает играть на гитаре и негромко петь, а остальные души слушают; и даже в это мгновение может пойти дождь, но душевой, то есть душевный, а самый настоящий, реальный – и души его будут чувствовать также как и живые люди, и начнут укрываться от него, встав под широкой спасительной балкой практически полностью рухнувшей крыши.

Рассказав и проводив Мишу до конца рощи, Педикюров полетел обратно к своему общежитию, а Миша побрел дальше и только все вспоминал и недоумевал о том, почему горький Педикюров превратился в какую-то неуклюжую птицу, не летающую толком, но и не сказать, чтобы без крыльев.

На самом деле Педикюров не был никакой загадочной птицей, тем более самоубийцей. Он был артистом, работал в местном театре и просто не знал, как ему дальше жить. Обычно приняв на сцене цветы от поклонниц, он шел домой в свое общежитие, где забирался на кровать и начинал разучивать очередную роль. Как водится, роли он получал людей благородных, с достатком и аристократов по своей сути. Причем табличка в его честь на стене общежития действительно висела. Ее сделали веселые друзья Педикюрова, а тот решил ее не снимать: пусть висит, иначе он сам рад был бы повеситься.

А этой ночью Педикюров гулял по роще и как раз разучивал роль птицы (хотел подзаработать немного денег на детском празднике). Жалко, что встретившийся ему в роще Миша не посещал томские театры и не знал, кто такой Педикюров. В свою очередь, Педикюров своими разговорами хотел намекнуть беспечному без царя в голове, но с богом в сердце молодому человеку, что тот своим опрометчивым поступком совершил самоубийство и вряд ли теперь его смогут отпеть. И вряд ли юристы ангелами возьмутся за его бесполезное дело и смогут отсудить потерянную им квартиру, проданную за такие нелепо малые деньги.

Лишившись каменного тела своего жилища, Миша душой бесприютной бродил по городу и очень даже хорошо начал понимать, как душа после смерти человека обнажается и уже ничем не может закрыться от объекта реальности, такого холодного и мрачного, как надвигающийся черный танк.

Баловень судьбы, счастливец Педикюров, у него есть койко-место в общежитии!

Но ничего Миши путного в голову не приходило. Наступал рассвет. Похожий

на красный транспарант red зари начал блистать и подниматься над застывшей музыкой города. Редкие облака вербными почками незаметно плыли по бескрайней голубой ветке неба, и Миша пошел обратно к своему бывшему дому, чтобы еще раз попробовать усоветить людей, купивших у него квартиру за бесценок.

Миша несколько суток стоял у подъезда своего бывшего дома и, когда проходили купившие у него квартиру муж и жена, он начинал, как милостыню, просить у них дать ему еще денег. Но ему денег не давали, а некоторые смеялись над ним и даже не вспоминали, как он покупал им конфеты и шоколадки.

Потом пришел участковый и начал гнать Мишу и грозить тюрьмой, если тот по-хорошему не оставит добпорядочных людей в покое. Конечно же, все было сделано по закону и все бумаги у новых хозяев Мишиной квартиры были в порядке. Кончилось же это дело тем, что Мишина беспечность обеспечила ему не печь, а теплотрассу. И птицей небесной он не стал, а летал только вниз, когда пьяный падал, оступившись, в яму. А ел Миша от щедрот мусорной кучи. А от церкви, как и других нищих, словно самоубийцу, его прогоняли, чтобы не попрошайничал и не отпугивал набожных граждан от посещения ее ворот.

Но никак не мог Миша превратиться в птицу небесную и даже не смел в своей грязной одежде бомжа зайти в церковь, а только он мог, словно урна или ящик для пожертвований, стоять и ждать, когда ему от щедрот своих люди положат хотя бы мелочь бесполезную.

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ

Эту историю рассказал мне один мой знакомый, Петр Мылов. Давно, еще во времена его детства, жили они с матерью в квартире на окраине Томска. Отца и мужа у них не было, а к ним в самую маленькую комнату поселили постояльца. Такие квартиры назывались «с подселением», когда одну из комнат у семьи изымали и отдавали горемычному человеку, еле-еле претендующему на то, чтобы не упасть и не закричать от страха и жалости к себе. Комната постояльца содержала в себе шесть квадратных метров, и кроме дивана да рядом стоявшего стула ничего не вмещала. Постоялец вел себя тихо, не сближался с чужим сыном и его матерью, а только иногда, по воскресеньям, обедал вместе с ними на кухне и горбился над тарелкой супа, дулом своего рта дуя на горячую ложку мешанины. На Пасху он также сидел со всеми вместе за столом и, взяв крашеное яйцо, разбивал обертку скорлупы. Очистив яйцо до конца, постоялец, Виктор Павлович, начинал его есть, обнажая сначала белую, а затем и желтую его сущность.

За окном шумел целый мир, а в каморке Виктора Павловича книге негде было лечь, не говоря о женщине, если бы он, например, решил вдруг обзавестись семьей и жениться к своим сорока годам. Это было невозможно в его положении. Человек мог только, лежа на диване, анализировать свою жизнь, вновь и вновь переживая прошлое, под его прессом не смея даже пошевелиться, как под стопудовым одеялом.

Для собственного успокоения Виктор Павлович считал себя монахом в миру и лечил бытовые приборы, так как работал в ремонтной мастерской. В той каморке, где он жил, балкона не было. Но иногда подселенный человек считал, что его комната имеет продолжение за окном, – и можно, не боясь упасть и разбиться, ступать

на невидимый или, лучше сказать, прозрачный пол воздуха и идти по нему прочь от своего окна, как по протянутому над землей бесконечно широкому канату...

Наступил май, на улице стояла весна и пахло неразделенной любовью. В одном из окон соседнего дома играла популярная музыка. Недалеко находился железнодорожный вокзал. Оттуда время от времени рождались перестуки поездных колес. Короткие искорки гудков локомотивов создавали ощущение где-то живущего счастья, как большое золотое облако или раскрытая раковина, зовущего к себе усталого путника.

Было воскресенье, и Виктор Павлович сидел у себя в комнате, загорал под лампой на потолке и воображал, что будто бы он находится не в тесном Томске, а где-то на юге, где за окном плещет море. Он эту картину представил так отчетливо, что не заметил, как переселился в тот, другой мир. Перед этим Виктор Павлович нарисовал на листе бумаги, как мог, облака и деревья, и сок голубоватый моря; а потом взял да и нырнул в то нарисованное море, как если бы он сумел в другое измерение, на плоскости расположенное, переместиться.

Во всяком случае, Виктор Павлович из комнаты исчез, хотя и не выходил. Выпасть из окна он тоже не мог, иначе бы на асфальте обнаружили его тело. Исчезновение постояльца хозяева заметили, когда хотели ближе к вечеру пригласить его попить с ними чай. Постучавшись в дверь его комнаты и не услышав ответа, мать Петра, Марина Викторовна, осторожно заглянула внутрь, но никого там не нашла. В свою очередь, хозяева не видели, чтобы Виктор Павлович куда-то выходил, тем более его ботинки и верхняя одежда остались дома.

Мальчик Петя очень переживал пропажу их близкого соседа, так как привязался к нему и даже однажды сказал своему другу Ваське: «Если дядя Витя проживет у нас еще год – буду называть его папой». Но дядя Витя ушел, растворился вот таким невероятным образом в параллельном мире. Примерно через полгода, так как Виктор Павлович больше не объявился, его комнату, маленькую, словно птичья клетка, уже не на птичьих, а на законных правах передали Мыловым.

Рисунок постояльца с морем и деревьями Петр оставил себе и до сих пор его хранил вместе с другими своими важными бумагами. Только со временем он заметил, как на рисунке в месте, где изображались облака, начало появляться небольшое, напоминающее человеческую фигуру, пятно. Возможно, это и был Виктор Павлович, который, потихоньку обживаясь в параллельном мире, начал вот таким образом проявляться, как иногда на священных досках проявляются лики святых. Недаром же Виктор Павлович считал себя монахом в миру. Возможно, переселившись в другой мир, он, наконец-то, обрел семью и свой собственный большой дом, постепенно начиная выплывать из небытия, приобретая плоть и настоящность, которых он был лишен в мире реальном.

ПОЭТЕССА

В книжный магазин вошли двое: мужчина и женщина. Дверь скрипнула словно кровать, и эти двое прошли внутрь магазина к фортепианным стеллажам. Фортепианным, потому что корешки стоявших на них книг напоминали клавиши, располагавшиеся от пола до потолка – и вместе все это великолепие представляло собой даже не фортепиано, а стоявший в храме культуры огромный орган, готовый зазвучать божественной музыкой.

Вошедшие, мужчина и женщина, подошли к маячившей за прилавком продавщице и неуверенно остановились возле нее, некоторое время не решаясь о чем-то спросить. В это время мужчина был невысоким и, несмотря на весеннюю прохладу на улице, не носил шапку. Его с большими залысинами голова разрывалась от предельно допустимого давления от вчера выпитого спиртного. Тем более, он был немолод, и его густая, похожая на седые морские волны борода напоминала жесткую сеть, в которой, казалось, рыбкой запуталась душа женщины, стоявшей сейчас рядом с ним.

Женщина являлась намного его моложе. Красота женщины, подчеркнутая безобразной внешностью ее спутника, казалось, готова была повеситься от такого соседства. Дама походила на превратившийся в человека цветок, и надетая на ее черноволосую голову небольшая аккуратная шляпка только усиливала это сравнение, так как шляпка и облегающее ладную фигуру соломенного цвета пальто напоминали бутон и вазу.

Наконец, после некоторого непродолжительного молчания, похожий на некрасивый щетинистый мускул, мужчина проявил волю и, поздоровавшись с продавщицей, сказал, указывая на свою спутницу:

– Вот это наша замечательная поэтесса Ирина Смирнова, скоро ее будут принимать в союз писателей. Мы хотели вашему магазину предложить взять на реализацию несколько книжек с ее стихами.

Поэтесса вынула из сумочки четыре экземпляра тонкой в мягкой обложки книги стихов и показала их продавщице. Некрасивый мужчина подхватил этот жест своей женщины и воодушевленно воскликнул:

– Пожалуйста, добавьте данную поэтическую клавишу в вашу прекрасную книжную симфонию. Уверяю – она украсит эту симфонию и сделает ее еще более волшебной.

Мужчина даже улыбнулся, распространяя вокруг себя превратившиеся в характерный запах триста граммов водки, выпитых им накануне вечером. Сморщившись, продавщица чуть отвернулась от огнедышащего мужчины и с некоторым презрением проговорила:

– Во-первых, брать книгу или нет, решает директор магазина, а во-вторых, ...

– Может, вы подскажите телефон директора? – перебила продавщицу поэтесса, но та, грубовато напирая, катамараном слов продолжила гнуть свою линию:

– Книги местных авторов у нас никто не покупает. Вон там они лежат.

Продавщица небрежно махнула в сторону отдельно стоявшего столика, на котором лежали с десяток небольшим форматом книг. Они не походили на клавиши, так как были брошены на этот столик и лежали, словно забытые стройматериалы так и не построенного величественного здания. Они не были допущены до музыкального инструмента книжных полок и покоились на столе, похожие на надгробные плиты.

На глянцевого, словно мраморной, обложке одной из поэтических книжек был изображен букет цветов, что еще больше придавало ей надгробный вид.

Мужчина и женщина подошли к лежащим на кладбище столика этим поэтическим могилкам и начали разглядывать книжки, перебирая одну за другой, раскрывая их и проникая в тексты, похожие на принадлежащие дереву Поэзии листья. Поэтесса одну за другой открывала книжки-надгробья и просматривала их. Изнутри, после снятия плит, ее взору обнажались похожие на белые кости страницы, обросшие черным мясом строк. Она то и дело уточняла у продавщицы стоимость

этого мяса. Мужчина с безучастным видом стоял рядом, ему неинтересен был их рыночный разговор.

Он любил эту женщину, а она его – нет. Вот и вчера, когда он снова выпил и сел на жалобно заскрипевшую кровать, она начала его ругать и даже пригрозила с ним расстаться, обидно назвав его гномом. Но он не обиделся, а, устало опустив тяжёлый от выпитого сосуд головы на подушку и пристроив поудобнее ореол бороды, икнув пару раз, попытался забыться нелёгким сном.

Она, видя такую его покорность, воодушевилась и с еще большей силой начала его упрекать и походила на цветок с ранено оцетинившимися шипами. Женщина ударила мужчину. Он, прикрывшись рукой, жалобно вскрикнул и постарался ещё более удобно устроить бороду на подушке...

Сейчас же, находясь в магазине, они мирно стояли возле прилавка с книжками местных авторов и даже решили купить пару из них: с букетом цветов на обложке и ещё одну, под тёмный мрамор с прожилками.

Расплатившись со сразу подобревшей продавщицей, красивая поэтесса и толстый маленький мужчина чинно вышли на улицу под холодный дождь.